

— Добро пожаловать! — голоса служанок донеслись из прихожей, но Луис их не услышал — он был слишком поглощён гвоздями и молотком, сосредоточенно вбивая последний из них в отмеченное место. Лишь когда шаги в коридоре стихли, он вдруг осознал, что не слышал звонка, возвещающего о возвращении графа.

— Ой! — Луис в панике отбросил инструменты и бросился к главному входу, придерживая длинную юбку. — Добро пожаловать...

Он завернул за угол, запыхавшийся, готовый выпалить приветствие, и замер.

Прямо перед ним, в каких-то двух шагах, стояла высокая, внушительная фигура. Граф уже миновал приёмную и теперь оказался нос к носу с выскочившим из-за угла Луисом.

— Ах! — Луис отшатнулся, пятясь назад, но его ноги, казалось, забыли, как правильно двигаться. Подол длинной юбки, к которой он, как ему казалось, наконец-то привык, предательски скользнул под подошву. Он взмахнул руками, пытаясь удержать равновесие, и с глухим стуком рухнул на пол.

Опять...

С шорохом подол его платья сполз вниз, обнажив колени и бедра, украшенные длинными чулками. Пока Луис отчаянно пытался привести себя в порядок, Эллиот смотрел на него пронзительным взглядом.

Охваченный растерянностью и смущением, Луи невольно расплакался. На глаза навернулись слёзы отчаяния. Почему? Почему он всегда, всегда выглядит таким жалким перед этим человеком? Каждый раз, стоило им оказаться рядом, его тело словно переставало ему подчиняться, превращаясь в неуклюжего, беспомощного мотылька.

— Ты.

Луис вздрогнул. Это было хуже, чем если бы граф просто прошёл мимо, не удостоив его и взглядом, как в первый день. Эллиот остановился и... заговорил с ним.

Луис поднял заплаканное лицо.

Больше всего, даже сильнее чем аромат феромона графа, который каждый раз, когда граф оказывался поблизости, как окутывал и лишал воли, Луиса пугал пристальный взгляд Эллиота.

— ...Нет, — граф, некоторое время лениво потирая подбородок в белой перчатке, издал короткий, бессмысленный вздох. — Всё уже сделано.

Сдержанность его поведения еще больше усилила беспокойство Луи. С тех пор он работал в постоянном напряжении, чувствуя себя совершенно измотанным. Луи сидел за обеденным столом, похожий на увядший цветок.

Вот обработанная версия главы 2.2 с добавленными интонациями, действиями и атмосферными деталями:

— Добро пожаловать! — голоса служанок донеслись из прихожей, но Луис их не услышал — он был слишком поглощён гвоздями и молотком, сосредоточенно вбивая последний из них в отмеченное место. Лишь когда шаги в коридоре стихли, он вдруг осознал, что не слышал звонка, возвещающего о возвращении графа.

— Ой! — Луис в панике отбросил инструменты и бросился к главному входу, придерживая длинную юбку. — Добро пожаловать...

Он завернул за угол, запыхавшийся, готовый выпалить приветствие, и замер.

Прямо перед ним, в каких-то двух шагах, стояла высокая, внушительная фигура. Граф уже миновал приёмную и теперь оказался нос к носу с выскочившим из-за угла Луисом.

— Ах! — Луис отшатнулся, пятясь назад, но его ноги, казалось, забыли, как правильно двигаться. Подол длинной юбки, к которой он, как ему казалось, наконец-то привык, предательски скользнул под подошву. Он взмахнул руками, пытаясь удержать равновесие, и с глухим стуком рухнул на пол.

Опять...

— Простите... я... я прошу прощения! — выдохнул он, чувствуя, как щёки заливают краской стыда.

Юбка, подчиняясь силе падения, задралась вверх, открывая взгляду колени и бёдра, обтянутые длинными чулками. Луис лихорадочно принялся оправлять ткань, пальцы его дрожали, а по вискам струился пот. Он чувствовал на себе взгляд графа — острый, пронзительный, изучающий.

На глаза навернулись слёзы отчаяния. Почему? Почему он всегда, всегда выглядит таким жалким перед этим человеком? Каждый раз, стоило им оказаться рядом, его тело словно переставало ему подчиняться, превращаясь в неуклюжего, беспомощного мотылька.

— Ты.

Луис вздрогнул. Это было хуже, чем если бы граф просто прошёл мимо, не удостоив его и взглядом, как в первый день. Эллиот остановился и... заговорил с ним.

Луис поднял заплаканное лицо, боясь даже дышать.

Странное чувство охватило его — страх перед пронзительным взглядом графа, тот самый, от которого сводило живот и немели руки. Но к нему примешивалось нечто новое, незнакомое. Аромат графа — холодный, чистый, с нотками мороза и сосновой смолы — стал для Луиса почти привычным за эту неделю. Но сейчас, в такой близости, он казался сильнее, плотнее, будто окутывал его со всех сторон, лишая воли.

— ...Нет, — граф, некоторое время лениво потирая подбородок в белой перчатке, издал короткий, бессмысленный вздох. — Всё уже сделано.

Он развернулся и направился к кабинету, оставляя Луиса сидеть на полу с поджатыми коленями.

Сдержанность его поведения была хуже любого крика или выговора. Луис чувствовал, как напряжение пульсирует где-то в груди, не находя выхода. С тех пор он работал словно

натянутая струна, и к концу дня чувствовал себя совершенно опустошённым.

За обеденным столом для прислуги он сидел, понурившись, как увядший цветок, и едва ковырял вилкой в тарелке.

— Ох, я такая голодная! — воскликнула Марша, плюхаясь на стул рядом с ним. — Луис, ты ешь больше, а то зачахнешь.

Все выглядели уставшими после долгого дня, но в глазах Марши сиял какой-то особенно весёлый огонёк. Известная своей жизнерадостностью и дружелюбием, она с первого дня взяла Луиса под своё крыло и не стеснялась подшучивать над ним с лёгкостью, свойственной тем, у кого нет предрассудков.

Она покосилась на Луиса, многозначительно изогнув бровь, и заговорщицки понизила голос:

— Кажется, я поняла, почему ты всё время совершаешь эти странные ошибки.

Сердце Луиса пропустило удар, а затем забилось где-то в горле. Она что-то заподозрила? Запах? Моя природа? Он лихорадочно прокручивал в голове, где мог проколоться.

Но в следующий миг Марша выдала нечто совершенно неожиданное:

— Ты ведь влюблён в графа, да?

— Что?! — от шока Луис выронил вилку, и та с громким звоном упала на пол. — Нет! Что ты такое говорите?!

— Ой, не притворяйся, — Марша отмахнулась, явно довольная произведённым эффектом. — Я-то всё вижу. Ты вечно ошибаешься, только когда он рядом. Классические признаки влюблённости, между прочим.

— Это... это не так! — Луис чувствовал, как кровь приливает к щекам. — Как я могу... я бы никогда не посмел...

Он не успел даже унять бешено колотящееся сердце, как разговор подхватили другие служанки.

— Что-что? Кто тут влюблён в графа? — подсела к ним горничная постарше, ставя поднос с чаем.

— Да Луис же, — Марша кивнула в его сторону. — Кто же ещё?

— Ох, бедняжка, — покачала головой другая девушка. — Вечно эти новенькие такие чувствительные.

— Да ничего подобного! — взмолился Луис, чувствуя себя загнанным в угол. — Я... я просто... — он запнулся, не зная, как оправдаться.

Над столом прокатился смех. Луис сгорал от стыда, но в то же время в его голове зародилось смутное сомнение.

— Ладно, — пробормотал он, — даже если допустить, что это не так... ваши слова звучат так, будто с графом что-то не так. Он что, не достоин внимания?

Марша и другие служанки переглянулись, и по их лицам скользнули усмешки.

— Ну, знаешь, — протянула Марша, — он, конечно, красив как картинка. Но вот характер...

— А что с характером? — не понял Луис. — Я слышал, дамы из высшего общества Вудвилля очень им интересуются.

— Ещё бы! — воскликнула одна из горничных. — Он же как принц из сказки! Кто бы мог подумать, что в такой дыре, как Вудвилль, появится такая яркая фигура?

— Но ведь в городе и своих красавцев хватает, — заметила другая. — Помните сына виконта? Тоже был ничего.

— О, точно! — Марша хлопнула в ладоши. — Луис, ты его видел? Он позавчера приезжал, пытался графу приглашение передать. Но его ещё на пороге развернули.

Луис нахмурился, пытаясь вспомнить. Действительно, позавчера кто-то приезжал, но он был в кладовой, переставлял тяжёлую мебель и даже не вышел взглянуть.

— Нет, не видел, — признался он.

— Конечно, не видел! — фыркнула Марша. — Луис же видит только графа. Правда?

— Это не правда! — запротестовал Луис, но его голос утонул в новом взрыве смеха.

— Максимилиан, конечно, хорош собой, — продолжила служанка постарше, отсмеявшись, — но его нельзя сравнивать с графом. Я слышала, когда граф жил в столице, в него влюблялись все подряд — мужчины, женщины, омеги, беты... да кто угодно!

— А потом они приезжали сюда, проводили пару дней в этом доме — и мигом расхотелось, — хмыкнула Марша.

— Ну, я с рождения не встречала человека привередливее нашего графа, — поддакнула третья.

Разговор быстро перекинулся на привычки Эллиота, и служанки наперебой принялись делиться своими наблюдениями, перемежая жалобы смехом.

— Почему он вообще всё время в перчатках ходит? — недоумевала одна. — Мы же тут драим всё до блеска! Что может быть грязным?

— Мало того, он даже когда в город выезжает, всегда надевает свежие перчатки и запасные с собой таскает. Неудобно же, — добавила другая.

— Для меня не перчатки, а бельё, — простонала третья. — Я же всего третий дом сменила, работая в прислуге. Но столько простыней мне стирать ещё нигде не приходилось!

Каждая высказалась по очереди, а потом все взгляды обратились к Луису.

— Что скажешь, Луи? — улыбнулась Марша. — Есть чем поделиться?

— Ты теперь у нас новая жертва графского характера, — подхватила другая служанка. — Жалуешься?

— Конечно, жалуется! — фыркнула третья. — Его же в эту форму нарядили! Это ли не повод?

— А что? — Марша, сидевшая рядом, ловко поправила кружевные оборки на его фартуке. — Луису эта форма очень идёт.

Луис покраснел и попытался отодвинуться, но Марша не давала ему покоя — она буквально с первого дня, увидев его в новом облике, воскликнула: «Вау! Да ты просто куколка!» — и с тех пор не упускала случая поддразнить. Её дружелюбие и отсутствие какой-либо иерархической чопорности помогли Луису быстрее влиться в коллектив.

— Иногда, когда смотрю на тебя, мне кажется, что у нас по дому ходит фарфоровая статуэтка, — мечтательно протянула одна из горничных.

— Перестаньте меня дразнить, — пробормотал Луис, пряча взгляд.

Чтобы сменить тему, он задумался над вопросом о жалобах. В отличие от других, его не раздражали графские перчатки — напротив, ему казалось, что они придают Эллиоту ещё более элегантный, законченный вид. Это была его первая работа в услужении, и ему не с чем было сравнивать. Но кое-что его действительно беспокоило.

— Мне... немного неприятно, когда граф так пристально смотрит, — признался он после недолгого колебания. — Если я ошибаюсь, он бросает на меня этот холодный, пронзительный взгляд... Это выбивает из колеи.

Он ожидал, что служанки тут же начнут кивать и жаловаться на этот самый ледяной взгляд, но вместо этого они переглянулись с явным недоумением.

— Взгляд? — переспросила одна. — Граф на тебя смотрит?

— Смотрит? — удивилась Марша. — Он вообще на нас никогда не смотрит. Миссис Томпсон ворчит, если мы что-то не так делаем. А граф... он скорее сделает вид, что нас не существует, чем удостоит взгляда.

— Я вообще ни разу в глаза графу не посмотрела, — добавила другая служанка задумчиво. — Он даже не смотрит в нашу сторону, когда проходит мимо.

Луис растерянно заморгал. Выходило, что его особое внимание — этот ледяной, испытующий взгляд — предназначалось только ему. От этого открытия на душе стало не по себе.

Может, потому что я мужчина? — обеспокоенно думал Луис. — Или потому что я с улицы? Но он же даже не помнит нашей встречи в ателье... Или помнит? Может, ему просто смешно смотреть на меня в этом наряде? В конце концов, это он сам велел надеть форму горничной...

Он уже собирался надуть губы от обиды, когда на стол поставили десерт. Сладкий, чуть терпкий аромат лимонного пирога мгновенно отвлек его от тяжёлых мыслей.

— Хватит болтать, давайте есть, — распорядилась старшая горничная. — А то у Луиса сейчас глаза выскочат, если мы его ещё подержим.

Луис пунцово покраснел, но взял вилку и с благоговением отломил кусочек пирога. Несмотря на смущение от формы, несмотря на постоянное напряжение из-за Эллиота, каждый вечер, когда он наслаждался десертом, он чувствовал, что это место определённо стоило того.

В свой первый день здесь, когда он впервые за долгие годы попробовал настоящий пирог, он едва не расплакался за столом. Служанки, наблюдая за его сияющими глазами, только

улыбались и подкладывали ему добавки.

— Это, кстати, ещё одна причина здесь работать, — заметила Марша, жуя. — В других местах прислуге десерты не подают.

— Так что, Луис, — она повернулась к нему, и в её голосе вдруг прорезалась непривычная серьёзность, — ты уж не влюбляйся в графа, ладно? Мне это место нравится, и ты мне нравишься. Не хочу, чтобы ты ушёл.

Луис, который как раз отправил в рот очередной кусочек, замер с вилкой на весу.

— А что, если я в него влюблюсь, меня уволят? — удивился он.

— Не уволят, конечно, — Марша пожала плечами, — но каждый, кто сюда приходил и начинал на графа заглядываться, долго не задерживался.

— Это точно, — подхватила другая служанка. — Влюбиться в такого, как граф — верный способ разбить сердце. Он же никого не полюбит, пока жив. Я, например, сюда пришла, чтобы от назойливых свях подальше быть, а не чтобы в мечтах о принце чахнуть.

Луис кивнул, возвращаясь к пирогу, но слова Марши отозвались в нём странным, глухим эхом. Он и не думал, что можно влюбиться в человека, подобного Эллиоту. Такие, как граф, живут в другом мире — недостижимом, холодном, прекрасном.

Я никогда не буду настолько глуп, — подумал он, облизывая вилку. — Влюбиться в того, кто смотрит на тебя, как на пустое место? Нет уж, увольте.

<http://bllate.org/book/15007/1594807>